

Так как энтропия наиболее вероятна, а эктропия наименее вероятна и в то же время эктропия чудесно осуществлена, а энтропия является лишь злобной мечтой сатанинской фантазии, то по принципу психологической и нравственной вероятности идеология энтропии будет всегда иметь за собой больше сторонников, чем идеология эктропии. В этом, между прочим, заключена и морально-математическая вероятность грехопадения. «Критика чистого разума» с ее энтропическими категориями субстанции и причинности и «Капитал» с его энтропической идеей классовой борьбы всегда будет противостоять с большей степенью вероятности эктропическим идеям Бога, свободы воли и бессмертия души, данным в «Критике практического разума», и эктропической идее «прыжка из царства необходимости в царство свободы». Но тут мы сталкиваемся уже с настоящей и, кажется, никогда не отмечавшейся идеей борьбы мифа с контр-мифом.

Если мы обратимся к основным понятиям природы, как они даны в естествознании, то увидим, что есть своеобразное мифотворчество как в начале исследования (в исходных понятиях), так и в конце, в так наз. обобщениях. Миф же есть всегда образ, эйдос, им живет и дышит знание, им преобразуется и им же потемняется. Замечательно, что вопреки популярным на этот счет представлениям, так наз. гипотеза есть не исходный, а конечный момент исследования — видение образа, эйдоса истины под углом зрения сверх-опытных, направляющих и определяющих эмпирическую установку данностей. Гипотеза есть «око ума», по выражению Серапиона Машкина. Таким образом речь идет о выработке основных научных мифов, об их обобщениях и толкованиях, т. е. об эйдологической мифологии, эйдологической догматике как естествознания, так и гуманитарных наук. Сюда же относится и назревающая с не победимой силой потребность в философии истории естествознания, предметом которой должно быть раскрытие эйдоса в научных мифах различных эпох и гетерогония (чередование) этих мифов с раскрытием той истины, которая светит в каждой из них. Мы подходим к проблеме действенной, эйдократической философии природы, где она, как это видно, напр., из трудов Дакэ, творчески синтезируется с истоками гуманитарных знаний. Ее необходимо ныне выдвинуть и противопоставить господству разрушительных энтропических мифов в области социологии, черпающих свою силу, в свою очередь, в разрушительных энтропических и механистических мифах агрегатного материализма. Вершиной эйдократического научного мифа несомненно является концепция Н. И. Федорова. Здесь во главе эйдократии открываются высшие ценности православно-христианской догматики в нерасторжимом единстве бытия, знания и действия.

ВЛАСТЬ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ИДЕИ

Русская наука из глубины десятилетий одержима социальным вопросом. В статье «Научные задачи евразийства» (см. выше) мы отметили, что сделано ею в области изучения истории крестьянства в Европе и Византии. Русские авторы нередко обличают просу (так, напр., из сочинений Н. И. Кареева 1870-ых годов можно извлечь не мало таких обличительных суждений). Русские авторы, нередко считавшие себя «западниками», сами того не сознавая, выступали здесь представителями особого мира, с его особой логикой и ритмикой социального развития — и ставили европейцам русские вопросы. И негодовали, когда европейцы оказывались не подготовленными к ответу на них. — Русская наука, в лице М. И. Ростовцева и других, сделала замечательные вещи по социально-экономической истории эллинистического и римского мира. В этих отраслях русской исторической работы, изучения социально-экономического порядка являлись безусловно преобладающими. Не мало работ такого характера дала, конечно, и европейская наука, в которой традиция по изучению эллинистического и в особенности римского мира, вообще говоря, несравненно значительнее, чем в русской науке. Но в ней труды на социально-экономические темы не занимают такого *исключительного* места, какое они занимают в русской традиции. Та же тенденция к постановке социально-экономических вопросов заметна и в русском востоковедении. На интереснейшие данные этого рода приходится наткнуться в самых неожиданных местах. Так, напр., в «Историко-географическом обзоре Ирана» покойного В. В. Бартольда (С.-Петербург 1903) заключаются весьма характерные сведения о «демократическом движении» X века в нынешнем Гиляне (северная Персия). Оно было вызвано попыткой местной династии «захватить в свою пользу участки необработанной земли, находившиеся до того в общем пользовании и никому не принадлежавшие». Если мы вспомним

о значении аналогичных движений в событиях, сопровождавших французскую революцию конца XVIII века, то мы поймем, что подобные указания имеют интерес и для европевода. — Другими лозунгами социального движения X века являлось освобождение от десятинного налога и разрушение родового строя. Вождь движения Хасан умер в 917 г. «Какое сильное впечатление оставили его реформы, видно из слов историков, что люди еще никогда не видели такого справедливого правления». — Ориентация в сторону социально-экономических проблем заметна и в русском славяноведении. Уже с конца 1850-ых годов русские стали специально работать по аграрной истории Сербии (Майков, Макушев и др.), а в последние десятилетия, отчасти, и по аграрной истории Чехии (Яворский). Но своего наиболее яркого выражения указываемая черта русской исторической науки — ее одержимость социально-экономическими вопросами — достигла в изучении французской революции. В нем, за последние десятилетия (начиная с 1870-ых годов), приложили свои силы десятки талантливых исследователей. На первом плане стоят проблемы социальной истории революции, в которых именно русская наука сказала основоположное слово («русская школа»). Здесь она вышла далеко за пределы разработки только аграрной истории революции (хотя потрудились немало и в этой области). В лице Е. В. Тарле, ныне находящегося в тюрьме, она выдвинула одного из первых, если не первого в современной науке знатока истории рабочего вопроса во Франции. Но не только применительно к Франции ставила русская наука эти проблемы. Она внесла свой вклад и в исследование положения рабочих в эллинистическом мире, в Англии и т. д.

Изучение роли рабочих в период французской революции представляет большой методологический интерес. Вне всякого сомнения в Париже того времени уже существовали весьма значительные кадры рабочих, т. е. производителей, лишенных собственности на средства производства. Но основной вывод, к которому пришли новейшие исследователи рабочего вопроса во Франции — тот, что в событиях революции рабочие не играли никакой самостоятельной роли, подкрепляя лишь своей физической силой движения, исходившие от других социальных групп. Причиной этого являлось отсутствие в рабочих массах идеи об особых целях рабочих, представления о себе, как о самостоятельной социальной группе. Согласно марксистской терминологии, рабочие периода французской революции были «классом в себе», но не являлись «классом для себя». Возникает вопрос, можно ли вообще называть «классом» лишенную социального самосознания группу. Ведь наличие или отсутствие мысли о своем собственном призвании

и целях определяет роль и значение той или иной социальной группы в исторических событиях. Где нет такого сознания, там приходится говорить не о классе, но «состоянии». Может существовать материальный субстрат социально-экономических отношений (который и создает понятие «состояния»), не находя себе никакого сколько либо значительного отражения на поверхности исторической жизни. Класс создается в результате исторических явлений. Французский пролетариат эпохи революции мы взяли в качестве примера. Не менее яркие свидетельства о том же порядке явлений может дать и русская история, в развитии поместного слоя, казачества, крестьянства и т. д. Задачей евразийства является исследование классообразующей силы идеи. — Исследование в условиях русской науки, не может быть ограниченным и местным. Из всех национальных и многонациональных наук — русская наука в наибольшей, быть может, степени призвана к созданию всеобщей истории состояний и классов. Социальную историю России нужно расширить до рамок социальной истории Евразии. Уже проложены просеки в социальной истории Европы и Азии. Социально-экономическая постановка этнологии должна дать соответствующий материал по народам других материков.

Как и во многих вопросах, современный марксизм, отрицающий в теории самостоятельное значение идеи, — в научной своей практике и в самом бытии своем — является неопровержимым доказательством такого ее значения. Нет сомнения, что социально-экономическая ориентация русской исторической науки создалась независимо от влияния марксизма. Она сказывалась уже в первых действительно научных русских исследованиях по истории античного мира (напр., Куторги и Леонтьева), произведенных отчасти до появления наиболее ранних работ Маркса. Никак нельзя возводить к Марксу и того интереса к общине и даже прямого общинолюбия, которое со второй половины 1850-ых годов овладело самыми различными течениями русской мысли (напр., одновременно славянофилами и Чернышевским!). Между тем, общинолюбием этим вдохновлены многие весьма значительные труды русских ученых по социально-экономической истории как Запада, так и Византии. В вопросах отношения к общине — как это показало письмо Маркса о русской общине, сравнительно недавно опубликованное Д. Б. Рязановым, — скорее русская наука влияла на Маркса, чем наоборот. На этой ниве, также славянофильство приносило плоды, питавшие развитие русских социально-экономических исследований (пример — работы Ф. И. Успенского по истории крестьянского вопроса в Византии). Повторяем, обращенность русской науки к проблемам соци-

ально-экономической истории имеет самостоятельные, независимые от марксизма корни. Соотношение здесь иное: обращенность эта могущественно содействовала укреплению марксизма на русской почве — порождая мотивы, созвучные «экономической интерпретации истории». Тот путь, которым марксизм подошел к русскому сознанию, был открыт для него своего рода «избирательным сродством». — Но в диалектическом процессе развития сам же марксизм истребляет мотивы, в свое время проложившие ему дорогу в русскую науку и в русскую историю. Экономизму до-марксистской и отчасти ранне-марксистской русской науки противостоит резко выраженный *а-экономизм* современной русской марксистской историографии. И чем актуальней, для современности, тот или иной разбираемый ею вопрос, тем явственней черты *а-экономизма* в его современной русской марксистской трактовке. Старая русская историография французской революции, развивая социально-экономические исследования — вовсе не знала *биографий* отдельных деятелей: личность, как таковая, ее интересовала мало. Уже с первых годов революции, марксистская наука, с небывалым в России рвением, занялась обработкой биографий «героев» (Робеспьера, Сен-Жюста, Марата и др.). Русский марксизм, в теории отрицая значение личности в истории, в научной практике создал «культ героев». Именно *идеологические* и политические стороны явлений интересуют современных русских марксистов и в истории французской революции, и в истории 1848-го, 1871-го гг. и т. д. Примеры бесчисленны. О русской марксистской историографии, как она будет складываться в 1930-х годах, говорить преждевременно. В 1920-х гг. для нее *максимально отличительным* являлся *идеологический и политический «уклон»*, преимущественное внимание к идеологической и политической сущности явлений. — Марксистская историография 1920-х годов *своей практикой* свидетельствует о *первенстве идеологического начала в истории*. А именно для марксистов довод «от практики» является решающим. — Наибольшим вниманием марксистов пользуется *история революционных идеологий* — и притом взятая в ней самой, вне связи с экономической историей. Именно такая, так сказать, «самодвлеющая» трактовка вопросов идеологии характерна для современного русского марксизма как в области европейской, так и в области русской истории. Самые яркие результаты дает, в этом отношении, рассмотрение истории самого же марксизма. — Работы новейших исследователей марксистов (напр., Г. Зайделя) позволяют установить с полной определенностью, что в первую очередь в мировоззрении Маркса сложилось стремление «к изменению мира». И затем уже он стал отыскивать ту «материальную силу», которая могла бы произвести

это «изменение». И нашел ее в лице пролетариата. Идея Маркса, в возникновении своем независимая от факта существования пролетариата, впоследствии *воплотилась* в пролетарском движении. Это последнее, в данной перспективе, вырисовывается, как обрастание плотью и кровью *организационной идеи*. — Что иное, как не *организационная идея*, или иначе — модель и прообраз, сочетающий и сопрягающий материальные силы — является основным движущим фактором, существом или *эйдосом* исторического процесса? Эта идея есть *идея властная*, владеющая материей и движущая ею, проникающая в материю и преобразующая ее, чуждая всякого отвлеченного «идеализма». — Идея эта неотрывна от субстрата, который она организует. Грандиозным обнаружением *первенства организационной идеи* является новейшая история социализма. В ней мы наблюдаем, как организационные идеи зарождаются и оформляются за десятилетия до того, как начинают переходить в жизнь. Каждый социальный строй есть воплощение некоторой организационной идеи. Так, в основе капиталистического порядка лежит идея организации производства при помощи свободных производителей, работающих на средствах производства, принадлежащих предпринимателю. В свободном крестьянском укладе инициатива по части организационной идеи принадлежит самому производителю, который организует производство при помощи собственных средств производства. — Социальная история, в этом смысле, есть история зарождения и борьбы социальных организационных идей. В отношении материального субстрата социальной жизни, они находятся в таком же положении, в каком техническая идея изобретателя находится к пронизываемой ею материи. Одним из видов социально-организационных идей являются те, которым обязаны своим существованием классы.

Должны быть возведены в сознательные начала те положения, которые уже и сейчас заключены в развитии русского марксизма. *Нужно утвердить самостоятельное бытие пронизывающей социальную действительность организационной идеи*, нужно отдать себе отчет в том, что только *идеей* определенное состояние социально-экономического субстрата переводится в разряд «класса». Нужно изучить и утвердить *классообразующую способность идеи*.

Также в этом разрезе вырисовывается значение, которое присуще овладению всемирными горизонтами (см. статью «Научные задачи евразийства»). Только освоившись с ними, русская наука может заложить основы *всеобщей истории состояний и классов*, к созданию которой она призвана действующими в ней тенденциями развития: многое осветив в социальной

истории Востока и Запада, она призвана осветить социальную действительность всего мира.

К этой работе и зовет евразийство. Все предыдущее указывает, на какой философской основе должна разворачиваться эта работа. Н. С. Трубецкой утвердил идеократию, как особую форму отбора правящего слоя. Как феномен сущего, эта форма есть отражение более широкого порядка явлений. В политической области люди, сознательным усилием, достигают того, что в качестве устойчивого порядка господствует в мире истории и природы. *Периодическая система сущего восходит к системе организационных идей.* И ее периодичность определяется ритмикой в сочетании организуемых элементов. Это одинаково относится к «периодической системе химических элементов», в том виде как ее раскрывает современная физическая химия, к «периодической системе зон», в ее климатологической стороне, к той «периодической системе», к которой тяготеет современная биология. Рассматривая на тех же основаниях ряд социально-экономических формаций, можно построить, путем сочетания важнейших производственных элементов, своеобразную «периодическую систему» общественных укладов. — Установление организационных идей, лежащих в основе сущего, в высокой мере способствует упорядоченности и стройности нашего познания. Можно сказать даже, что путь к высшим формам познания пролегает именно и только чрез установление *системы организационных идей*, действующих в каждой отрасли явлений. Устанавливая эти системы и сопоставляя их, евразийство стремится к нахождению *единой философии сущего*.

По сказанному выше, в организационной идее каждого явления мы нащупываем его эйдос. И наблюдая, как эйдос управляет явлением, мы приходим к *эйдократической* концепции сущего — не только в политическом, но и в самом широком философском смысле слова. — В одних случаях, эйдос — перед тем, как раскрыться в мире — проходит чрез человеческое сознание. В этих случаях организационная идея есть, прежде всего, факт человеческого сознания. В других случаях организационная идея присуща самим вещам (физическая химия, география, биология) и только улавливается нашим сознанием, — но уже не в порядке действенной практики (как в политике или экономике), а только в порядке познания. Однако, и здесь организационная идея остается сама собою. В этих *противоположных* выявлении организационной идеи раскрывается ее *единство*, тожество «образа и подобия» ее различных носителей. — Чрез осознание этого единства пролегает путь к *познанию движущей силы мира*.

ПОД ЗНАКОМ ДИАЛЕКТИКИ

ПРОГРЕСС ТЕХНИКИ, КРИЗИС МАРКСИЗМА И ПРОБЛЕМЫ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ.

Марксизм возник в эпоху расцвета паровой централизованной техники второй половины XIX века. Он с самого рождения определен и закрепощен технической картиной этой эпохи. Можно даже сказать, что сам марксизм входит в состав этой картины, является ее идеологическим рупором и типичным продуктом XIX века. Ортодоксальный марксист живет, мыслит и действует словно техника навсегда должна оставаться прикрепленной к громоздкому паровому котлу и к паровой поршневой машине — тяжелой, слабой и неэкономной.

Классический капитализм и связанное с ним социальное зло пролетаризации и эксплуатации масс — соединены в единый целый комплекс с паровым котлом и поршневой паровой машиной.

Марксисты, столь любящие сомнительную философски, критически неоправданную и не проверенную теорию «базиса и надстройки», почему то не захотели заметить главного, — что до некоторой степени имело бы видимость оправдания их теории. Они не заметили того, что *классический капитализм и связанная с ним социальная морфология являются «надстройками» над главным техническим фактором XIX века: над центральным паровым котлом и центральной паровой машиной, приводящей в действие большую фабрику, обслуживаемую пролетариатом.* Собственно здесь термин «базис» является приблизительным и мало удовлетворительным. Лучше говорить о центре и периферии. В центре — паровой котел с большой паровой машиной. На периферии и по радиусам — соответственные им, «конформные» им социально-экономические явления хорошо известного типа; с ними находятся в комплексной связи некоторые явления